

Международные отношения

Правильная ссылка на статью:

Деметрадзе М.Р., Шорохова С.П. — Фундаментальные теории конфликтологии: необходимость практического применения в оценках международных и внутригосударственных конфликтах // Международные отношения. – 2023. – № 4. – С. 78 - 94. DOI: 10.7256/2454-0641.2023.4.39491 EDN: KLAREP URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39491

Фундаментальные теории конфликтологии: необходимость практического применения в оценках международных и внутригосударственных конфликтах

Деметрадзе Марине Резоевна

ORCID: 0000-0002-7676-8054

доктор политических наук

главный научный сотрудник, Институт наследия министерства культуры, профессор
РАНХИГС/ПРОФЕССОР УНИВЕРСИТЕТА МИРОВЫХ ЦИВИЛИЗАЦИИ

117292, Россия, г. Москва, ул. Космонавтов, д. 2

✉ demetradze1959@mail.ru

Шорохова Светлана Петровна

ORCID: 0000-0002-7676-8054

кандидат философских наук

доцент, кафедра декан факультета международных отношений и геополитики, зав. кафедрой
политических процессов и технологий, Университет мировых цивилизаций,

117292, Россия, г. Москва, ул. Космонавтов, 2

✉ demetradze1959@mail.ru

[Статья из рубрики "ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ"](#)

DOI:

10.7256/2454-0641.2023.4.39491

EDN:

KLAREP

Дата направления статьи в редакцию:

23-12-2022

Дата публикации:

31-12-2023

Аннотация: Глобализационные процессы современного мира вовсе не характеризуются определенностью и безопасностью, т. к. конкуренция между государствами, основанная на принципах рынка и борьбой за мировое лидерство по социально-экономическим показателям, приводят к международным и внутривнутриполитическим проблемам. Ситуация усугубляется и тем, что применяемые раньше политтехнологии навязывания образа внутреннего или внешнего врага либо этноцентризм, когда одним определенным группам придавали негативный образ, а другим исключительно положительный, почти перестали приносить нужные результаты. Поскольку, в эпоху информационных технологии создающих возможности многостороннего получения сведений, практически невозможно достичь абсолютной манипуляции общественного сознания. Во многом этому способствовало создание западными учеными классических теории, раскрывающих специфику поведения инициаторов (зачинателей) конфликтной ситуации и побудительных мотивов консолидации людей в соответствии с определенной идеологией. Вместе с тем, практика показывает, что классические теории сегодня не приносят тех необходимых результатов, а разработка и предложения новых концепций, способствующих прогнозированию, предупреждению или устранению конфликтов на сегодняшний день почти не возможны. Проблема заключается еще и в том, что существующие теории могут дать лишь общую картину конфликта, но не контролировать или в точности спрогнозировать исход ситуации, что затрудняет обеспечение безопасности, и стабильности современных глобализационных процессов. В связи с этим раскрытие специфики классических теории и их переосмысление в XXI веке имеют фундаментальное значение для всех обществ и прежде всего для постсоветского пространства, т. к. возникшие здесь конфликты имеют как в латентную, так и открытую форму. Данное положение усложняется и тем, что практика применения научных подходов в государственном управлении и правило учета прогностических материалов здесь еще не сложилось, поскольку собственные теории пока никем не разработаны.

Ключевые слова:

конфликт, социальная природа конфликта, Дойч, Дарендорф, Коузер, Боулинг, Зиммель, Самнер, стереотипы, психология конфликта

В работе конфликт рассматривается как социальный феномен, т.е. как особый вид взаимодействия, возникающий в результате расхождения в запросах и интересах, а также возможностях их удовлетворения между действующими сторонами, проявляющиеся на межгрупповом уровне. Раскрываются разные функции конфликтов: интегративная, дезинтегративная, стабилизирующая, комплементарная и деструктивная. Критерием оценки является вектор социальности т.к. согласно учениям классиков, он может иметь социальный характер только в том случае, если выявляется социальная проблема и мобильность членов общества, направленная на их устранение. Или наоборот, конфликт не социален если в его основе заложены мифологические или иррациональные мотивы поведения индивидов. Это касается как внутрисоциальных, так и межгосударственных конфликтов, поскольку в обеих ситуациях иррациональность приводит к диссонансу, несоответствию и разногласию интересов, аномии и фрустрации, неэффективности международных правовых норм и надгосударственных институтов.

Работа также имеет междисциплинарный характер, и выстраивается на основе социологии, политологии, права, с применением структурно-функционального,

классификационного и прогностического методов. Особое внимание уделяются функциональному анализу конфликтов в трудах Дарендорфа, Зиммеля, Коузера, Дойча, и психологическому анализу Бандуры, Хоманса и др. В статье сознательно не приводятся конкретные примеры конфликтов в т. ч. на постсоветского пространства, предоставляя возможность сделать самостоятельные оценки и выводы специалистам на основе моделей раскрывающихся в содержании работы.

Учитывая всё то, что в настоящее время еще не сложилось единой теории конфликтов, данная статья является попыткой научной трактовки контекста конфликтной ситуации, выявлением ее предпосылок и реальных причин, рациональных или иррациональных мотивов политиков, с целью защиты рядовых членов общества от демагогии и навязанных свыше эталонов поведения. Поэтому научно-просветительская практика упомянутых авторов актуальна на сегодняшний день для всех современных обществ. Именно этот принцип определяет значимость цели, задач и актуальность предложенной темы.

Конфликт как социальная парадигма

Представления о конфликте как неизбежном феномене человеческого бытия восходят к глубокой древности. Противоборство и взаимообусловленность добра и зла, света и тьмы, активного и пассивного начала являются исходными принципами всех религиозных систем. Многие античные мыслители, начиная с Гераклита, движущей силой истории считали борьбу: «Следует знать, что война всеобща, и правда - борьба, и что все происходит через борьбу и по необходимости» ^[1]. Софисты, Эпикур и Полибий, утверждали всеобщий характер борьбы между людьми и полагали, что только страх перед наказанием удерживает людей от насилия.

Томас Гоббс (1588-1679), обосновывая в «Левиафане» ^[2] концепцию «войны всех против всех» как естественное состояние человечества, считал главной причиной конфликта стремление к равенству, которое приводит к возникновению у людей одинаковых надежд, желание завладеть теми же объектами, необходимыми для самосохранения или получения удовольствия. Это превращает людей во врагов, побуждает их добиваться уничтожения или подчинения соперника, порождает соперничество, недоверие и честолюбие. В целом до конца XVIII в. мыслители в своих рассуждениях о конфликте не выходили за рамки индивидуальных устремлений и потребностей абстрактного человека, противостоявшего остальным индивидам, обществу, государству, и сводили конфликт, к проблеме господства и подчинения, разрешаемой, прежде всего, благодаря регулирующей деятельности государства.

Взгляд на конфликт как социальное явление впервые был сформулирован в работе Адама Смита «Исследования о природе и причинах богатства народов», вышедшей в 1776 году. Согласно Смит, в основе конфликта лежит деление общества на классы (капиталисты, земельные собственники, наемные рабочие) и экономическое соперничество. Правда, оно рассматривается как важнейшая движущая сила развития общества и считается, что тем самым выполняет полезные функции. Гегель в «Очерке «философии права» (1821) усматривал одну из главных причин конфликта в социальной поляризации между «накоплением богатства», с одной стороны, и «привязанного к труду класса», - с другой. Как и античные авторы, он считал, что государство представляет интересы всего общества и обязано решать конфликты.

В целом в XIX - начале XX вв., преобладали представления о социальных конфликтах, сложившиеся под влиянием социал-дарвинизма. Г. Спенсер, В.Г. Самнер ^[3], и другие

исследователи того периода, видели в конфликте проявление борьбы за выживание, как способ естественного отбора. Как писал Л.Гумплович ^[4] в 1928 году: *«Каждая социальная группа одушевлена стремлением к самосохранению, и из заботы о нем проистекает стремление к постоянному повышению благосостояния. Это позволяет выразить высший закон истории в такой простой формуле: "более сильный одолевает более слабого, одинаково сильные объединяются, чтобы превзойти такого же сильного третьего, и так далее". Это не только закон истории, но и всякой жизни Мы видим, что он одинаково сохраняется, рассматриваем ли мы в микроскоп движения существ в капле воды, или деяния племен, народов и наций на страницах истории. Если мы будем твердо помнить этот простой закон, внешне неразрешимая загадка политической истории покажется нам ясной и простой»*^[4].

К числу «конфликтных теорий» развития общества большинство обществоведов причисляют и марксистскую концепцию, подчеркивая ключевую роль классовой борьбы. Разумеется, используемое в марксизме понятие противоречия шире, чем конфликт, и оба они имеют достаточно неопределенное содержание. Более того, марксизм включает в себя интерпретацию законов диалектики, теорию познания, исторический материализм как общую социологическую теорию. И все это с акцентом на противопоставление, борьбу противоположностей, которым придается онтологический («материалистический») смысл.

Основной аргумент критиков марксизма сводится к тому, что концепция классовой поляризации ведет к гомогенизации и персонификации двух противоборствующих сил и упрощает сложную картину реальной дифференциации, «Капитал» Карла Маркса – это *«грандиозная экономическая теория, в которой прогнозируемая неизбежная победа пролетариата несет однозначные мифологические черты, восходящие к гегелевскому учению о спасении - становящемся боге, что по сей день препятствует разработке подлинной марксистской теории конфликта»*, - пишет западногерманский социолог Вальтер ^[5] обобщая суть всех критических высказываний на эту тему.

Действительно, применение исторического материализма как общей социологической теории к анализу конкретных ситуаций нередко сводится к изображению конфронтации между трудом и капиталом, пронизывающей все многообразие социальных взаимодействий. Многочисленные же разновидности социального конфликта рассматриваются всего лишь как проявления этого фундаментального противоречия. В результате вне поля зрения исследователя оказываются чрезвычайно важные аспекты социальных трансформации неэкономического характера, такие как политические и правовые, их роль в социокультурных процессах.

Феномен конфликта в социологических теориях XX столетия

Зарубежная социология XX столетия заметно продвинулась вперед в изучении конфликта как социального феномена. Фундаментальное значение имеет работа немецкого социолога, основоположника функциональной теории конфликта Георга Зиммеля (1858-1918) ^[6], автора опубликованного в 1908 году труда «Социология». По его мнению, конфликт – это универсальное явление, т. к. абсолютная гармония в социальных группах или общество в целом нереалистично, поскольку в таких случаях импульсы саморазвития, стимулирующие изменения невозможны.

Следовательно, конфликт – это необходимая предпосылка для развития общества, и поэтому он функционален. Исходя из этой предпосылки, автор исследует разные аспекты конфликтов и конфликтных ситуаций, выполняющих полезные функции. Конфликт, даже

в латентной форме, содействует сохранению группы и определению ее границ, порождая сотрудничество между индивидами, которые до этого не имели ничего общего между собой. Внутренние разногласия в конфликтной ситуации сглаживаются, либо определенные члены группы исключаются из ее состава. При этом, конфликт, всегда решается, но в радикальном случае – одна сторона может устранить другую, что, в конечном счете приводит к преодолению противоречия и интеграции. Зиммель отмечает: *«...единство, возникшее вслед за конфликтом, сохраняется после окончания борьбы и приводит к возникновению интересов и связей, не имеющих отношения к целям борьбы. Значение борьбы здесь заключается в том, чтобы осуществить на практике латентно существующие связи и единство. При такой ситуации, конфликт является больше поводом и удобным случаем для проявления внутренней потребности для объединения, нежели целью»*^[7].

Для дальнейшего развития исследования конфликтологии, важное значение имели выводы Зиммеля о воздействии конфликта на внутреннюю структуру группы. В экстремальных ситуациях, например, в случае войны, резко усиливается тенденция к централизации власти вплоть до установления диктаторского режима. Авторитарная власть стремится к самосохранению, и с этой целью склонна выискивать нового противника для создания очередных внешних конфликтов. В таком случае, фактор победы над соперником - не всегда означает успех в социологическом смысле, так как в бесконфликтной ситуации степень внутренней солидарности группы значительно снижается, поскольку единство имеет принудительный характер. Существенным вкладом Зиммеля в теорию конфликта является включение третьей стороны. Отношения в диаде допускают возможность лишь прямолинейного бинарного конфликта, не характерного для реальной социокультурной жизни. Любая концепция диады исходит из существования двух взаимообусловленных элементов, связанных отношениями господства - подчинения либо противостояния без каких-либо промежуточных звеньев.

Только с появлением «третьего» открывается возможность для многоплановых отношений, формирования коалиций, становления групповой солидарности, т.е. возможность сложного социального взаимодействия как динамического процесса, лишенного мифологического смысла

.

Американский социолог Льюис Коузер^[8], опираясь на работу Г. Зиммеля, продолжил попытку соединения конфликтной теории с функционализмом. В работе «Функции социального конфликта» (1956 г.) Л. Коузер подверг тщательному анализу основные положения Зиммеля и придал им логически завершенную форму. Согласно его определению, конфликт – это *«столкновение между коллективными акторами, по поводу ценностей, статусов, власти или редких ресурсов, в котором цели каждой из сторон состоят в том, чтобы нейтрализовать, ослабить или устранить своих соперников»*. В отличие от Зиммеля, Коузер выделяет роль информации в конфликте, с помощью которой политики могут предавать ему затяжной характер. В то же время он пришел к заключению, что «коммунальные» конфликты, происходящие на основе общих ценностей, выполняют интегративную функцию, в отличие от «необщинных» конфликтов, вызванных различиями или формированием новых систем ценностей.

Также Коузер тесно увязывает форму и интенсивность конфликта с особенностями конфликтующих групп. Поскольку конфликт между группами способствует укреплению внутригрупповой солидарности и, следовательно, сохранению группы, ее лидеры

зачастую сознательно прибегают к поискам внешнего врага и разжигают мнимый конфликт, выполняющий роль громоотвода. Побочным следствием этой тактики являются поиски внутреннего врага («предателя»), особенно в случае неудач и поражений. Коузер отмечает исключительно важную роль идеологии в конфликтных ситуациях. Она используется как инструмент сплочения группы, возведения столкновений личных и групповых интересов в ранг борьбы за принципы и вечные истины, а в случае мнимого конфликта - выделения внешнего и внутреннего врага. Не менее важную роль в вызревании «подлинного» конфликта играет сама возможность групповой идентификации, которая возникает лишь по мере осознания людьми своего положения в конфронтации с другими: «...индивиды, которые занимают сходное положение, через конфликт образуют группы, обладающие групповым самосознанием и общими интересами». Таким образом, формирование групп является одной из важных социальных функций конфликта.

Не менее важно то, что Коузер выделяет неоднозначную роль внешнего конфликта для внутреннего сплочения группы. Внутренняя сплоченность всегда возрастает, если группа уже достаточно интегрирована (имеется минимум согласия между ее членами), а также, если внешняя опасность угрожает всем членам, а не только отдельным индивидам, и воспринимается всеми как общая угроза. При этом, для больших групп с высокой степенью соучастия членов характерна более устойчивая степень гибкости, чем для менее крупных и менее интегрированных. Им присуща жесткость и нетерпимость по отношению к «отклоняющимся» членам, стремление подавить любое проявление внутренних противоречий.

По К. Боулингу, согласно которому конфликт – это «ситуация соперничества, в которой стороны осознают несовместимость возможных позиций и каждая сторона стремится занять положение, несовместимое с тем, которое хочет занять другая» (1962 г.)^[9]. Сходное мнение о необходимости различения конфликтов по признакам распределения ресурсов и различий в целях также высказали Т.Гейгер, Ч.Р.Миллс, С.М.Липсет^[10] и С.Роккан. Всё это позволяет классифицировать конфликты интересов и ценностей, которые тесно взаимосвязаны между собой, поскольку то, что является ценностями для одной группы, одновременно могут быть интересами для другой. Например, «безобидное» требование права обучения на родном языке, выдвигаемое этническим меньшинством, формально не затрагивая интересов большинства, зачастую воспринимается последним как потенциальная угроза своему единству и собственному господству.

Принцип установления равенства путём конфликтного вмешательства

Одним из центральных положений функциональной теории конфликта является тезис о том, что конфликт создает и поддерживает равновесие сил. Соглашение между сторонами, интересы которых сталкиваются, возможно, лишь в том случае, если каждая сторона (группа) знает свою собственную силу и силу соперника. Однако выяснить соотношение сил зачастую можно лишь путем пробы, т.е. открытого конфликта (например, забастовки). Не угрожая дезинтеграцией обществу, подобные конфликты способствуют устранению несоответствия между властью, статусом и влиянием определенной группы, восстанавливают социальное равновесие и тем самым обеспечивают стабильность общества. Это касается главным образом групп с аморфной структурой и открытых обществ. Допуская непосредственное и прямое выражение противоположных требований, подобные социальные системы достигают восстановления порядка в своей структуре, исключив источник недовольства. В таком случае, конфликты

могут служить тому, чтобы устранить причины распада и восстановить единство. Таким образом, принимая конфликт, эти системы создают важный «стабилизирующий механизм». И наоборот, такой конфликт дисфункционален для тех систем, в которых слабо выражены или абсолютно отсутствуют механизмы его принятия.

Мортон Дойч ^[11] среди отмеченных функций конфликта, главным считает предотвращение стагнации (застоя), выявление существующих проблем, усиление групповой идентичности и утверждение нововведений. В то же время он отмечает и отрицательные, его последствия: нарушение системы коммуникаций и взаимосвязей в группе, ослабление общих ценностных ориентаций, вероятность снижения групповой сплоченности. Последнее возможно при несоразмерности потерь и вероятности успеха, неравномерности распределения потерь среди членов группы, наличие у части группы сильных связей с противником, затяжной характер, несовместимость целей конфликта и традиционных убеждений.

Из сказанного следует, что функциональная теория конфликта абсолютизирует положительные свойства этого феномена, как способствующий фактор в процессе развития и саморегулирования общества. Однако внутренние конфликты (в рамках класса, политической партии, нации) во многих случаях оказываются ущербными для группы в условиях межгруппового, внешнего конфликта и могут стать главной причиной ее поражения. Следует подчеркнуть, что все группы, за исключением первичных, обладают сложной иерархической структурой, включающей большое число подгрупп разного уровня, находящихся в отношениях, как сотрудничества, так и соперничества. Поэтому в условиях внешнего конфликта в любой социальной группе неизбежно возникают противоборствующие тенденции к её сплочению и дезинтеграции. Исход этого противоборства зависит от самых разнообразных факторов (об этом свидетельствует история многочисленных войн, классовых противоречий), сведение которых не укладываются не в одну схему.

Попытка преодолеть односторонность функциональной теории конфликта

Попытка преодолеть односторонность выше перечисленных теории конфликта была предпринята западногерманским социологом Ральфом Дарендорфом ^[12], создавший так называемую диалектическую модель социального конфликта. В ней сказывается влияние идей Карла Маркса о классовой поляризации, борьбе и разрешении классового антагонизма революционным путем. Дарендорф выделил различные типы конфликтов (между равными и неравными, целым и частью), используя при анализе конфликтов понятие «императивно координируемых ассоциаций», состоящих из противоборствующих управляющих и управляемых комплексов. В конечном счете, он пришел к выводу, что в основе всех конфликтов находится вопрос о власти или авторитете. По его мнению, «все неравенства в ранге можно рассматривать как восходящие к неравному распределению легитимной власти в социальных блоках» и, следовательно, все конфликты исходят из-за субъективного стремления к господству. Как полагает Дарендорф, конфликт – социален лишь в том случае, если он обусловлен структурой социальных единиц. Если же он обусловлен «психологическими» причинами (антипатия, фрустрация, ненависть и т.п.), то он по определению не социален. Дарендорф не вникает в анализ конфликтующих структур, ограничиваясь общим утверждением, что конфликт является «законом развития современных обществ» и имеет собственную динамику. При всей излишней обобщённости суждений и слабой эмпирической базы этой концепции, которую он называет «паратеорией», ее следует считать теорией конфликта, формирующегося в отношении власти.

Односторонность в большей или меньшей степени присуща практически всем концепциям социального конфликта, предложенным в рамках различных направлений и школ социологии. Как отмечает В. Бюль, *«теории социального конфликта в смысле логически дедуктивной системы гипотез, аксиоматизируемых и выражаемых в определенных математических функциях, не существует, скорее можно говорить только об исходных гипотезах, о программных установках и ориентирующих набросках теории с относительно неопределенными предположениями и недостаточно структурированными обобщениями»*^[1].

Исследования конфликта в рамках различных ориентаций западной социальной психологии

Заслуживают внимания исследования конфликта в рамках различных ориентаций западной социальной психологии, которые резко расширились, начиная с середины XX века.

К бихевиористской ориентации в анализе групповых процессов относятся теории психологического гедонизма, доктрины «экономического человека», акцентирующие такие категории, как «вознаграждение», «удовольствие», «снижение напряжения» и т.п. В теории «взаимодействия исходов», сформулированной Д.Тибо и Г.Келли^[13], процесс взаимодействия рассматривается сквозь призму так называемых исходов - обмена вознаграждениями и наказаниями. Вознаграждения и потери могут быть самые разнообразные: материальные ценности, престиж, статус, безопасность, власть и т.д. Для устойчивого взаимодействия важную роль играет *комплементарность, или дополнительность*. «В комплементарном отношении каждый может обеспечить то, в чем нуждается другой, но сам себе это обеспечить не может. В таких отношениях вознаграждения для обоих участников высоки, а издержки низкие и, таким образом, исходы позитивны для обоих»^[2], - резюмирует эту позицию отечественные авторы Андреева Г.М., Богомолова Н.Н. Оценка исходов преимущественно субъективна по своему характеру и определяется *экзогенными* (потребности, способности, установки, ценности участников) и *эндогенными* (т.е. возникающими в ходе взаимодействия) детерминантами. Существенные расхождения в оценке исходов и в еще большей степени - несовместимые тенденции ведут к конфликту. Оценка исходов производится каждой стороной диады с учетом «уровня сравнения» предыдущего опыта и «уровня сравнения альтернатив», т.е. возможных наградений в случае выхода из данной группы. Составленная Тибо и Келли матрица приложима к анализу отношений власти, взаимозависимости и межличностной аккомодации, к другим аспектам социального взаимодействия.

Известный американский социолог Хоманс усматривает сущность «элементарного социального поведения» в непосредственном обмене вознаграждениями и наказаниями между участниками взаимодействия, в конечном счете, сводит человеческое поведение к «функции обмена платежами». Согласно концепции Хоманса, конфликт возникает в случае, если нарушается субъективно воспринимаемая и основанная на прошлом опыте справедливость обмена, т.е. издержки превышают ожидаемые вознаграждения. Подход Хоманса получил относительно широкую известность среди социальных психологов, однако его попытка создать некую универсальную модель человеческого поведения свелась к экономическому редукционизму, в объяснении явлений социального взаимодействия в сложившейся системе отношений между людьми. Этот подход мало пригоден для анализа взаимодействия между группами, которым свойственны различные системы ценностей и соответственно ожидания вознаграждений. В лучшем случае этот

подход, как и остальные теории бихевиористской ориентации, может быть применен для изучения некоторых аспектов внутригрупповых отношений.

Одной из популярных концепций конфликта в рамках необихевиористской ориентации остается теория фрустрации – агрессии, сформулированная в 1940-е годы Н. Миллером и Дж. Доллардом и в дальнейшем получившая развитие в работах других социальных психологов. Ключевое место в этой теории занимает предположение, что любое условие, препятствующее достижению любой цели (фрустрация), ведет к проявлению агрессии, т. е. стремлению разрушить или уменьшить препятствие. Агрессивное поведение может остаться нереализованным вследствие сдерживания оценкой возможных негативных последствий для личности, что еще больше усугубляет фрустрацию и тем самым усиливает агрессивность. Оно также может принять форму *«смешанной агрессии»*, направленной не на непосредственный источник фрустрации, а на любой другой объект, выполняющий в данном случае функции библейского «козла отпущения». В этой модели конфликта агрессия обязательно предполагает предшествующую ей фрустрацию. Но обратная зависимость не столь жестка, так как путем получения опыта индивид может выработать неагрессивную реакцию на фрустрацию (рационализация, избегание).

Вследствие проведения экспериментов и привлечения более обширного эмпирического материала накопленного при изучении различных обществ, в первоначальную концепцию были внесены существенные изменения: введено понятие агрессивного побуждения (драйв), которое является следствием фрустрирующего события и непосредственной причиной агрессивного поведения, сделан акцент на роли лидера, на зависимости поведения от вознаграждений.

Существенные коррективы в плане исследования конфликтов внесены А.Бандурой (1973 г.) [\[14\]](#), отметившим большую роль наблюдения над поведением «модели» и его последствий при выработке собственных реакций в процессе получения знаний: «Среди многочисленных сигналов, влияющих на поведение людей в любой момент, нет более эффективных, чем действия других. Действия других приобретают свойство направлять реакцию через селективное подкрепление во многом так же, как физические и символические сигналы в несоциальных формах. Когда поведение других ведет к вознаграждаемым исходам, сигналы модели становятся мощными детерминантами аналогичного поведения у наблюдателя» [\[15\]](#).

Важную роль в выработке моделей поведения (в том числе путем наблюдения) играют последствия: люди склонны подавлять в себе или отвергать не вознаграждаемые или наказуемые реакции и, наоборот, усиливать те, которые приводят к благоприятным исходам. Согласно теории «социального научения» А.Бандуры, отрицательный опыт может иметь следствием не только агрессию, но и другие варианты поведения: принятие зависимого положения, смирение, самообезболивание алкоголем и наркотиками. Роль получения знаний путем наблюдения за поведением другого и признание многовариантности, как реакции на фрустрацию представляет собой существенное дополнение линейной *«теории фрустрации»* – агрессии, имплицитно используемой многими исследователями при анализе межэтнических конфликтов (национализм как фрустрация классовых целей или смешанная реакция на эксплуатацию).

Когнитивистская ориентация в исследовании социального поведения ставит во главу угла процесс познания, формирования у личности различных представлений, ожиданий, установок и более общих идей, регулирующих поведение. В политологии на базе этой ориентации сформировалась теория принятия решения, которая применима к изучению социальных конфликтов. Организация образов и соотнесение воспринимаемых объектов

с определенным классом (категоризация связывается с такими понятиями, как перцепция, аттракция, формирование и изменение установок) восходит к гештальт-психологии и теории поля К.Левина.

Многие наблюдения и концепции, сформулированные в рамках этой ориентации, имеют прямое отношение к исследованию конфликтов. Теории когнитивного соответствия, исходной идеей которых является целостное представление индивида об окружающем мире, который должен быть сбалансированным и гармоничным с его представлениями. Базируясь на этом индивид формирует собственные установки, стереотипы, избирательное восприятие информации и ее интерпретацию.

Согласно теории структурного баланса Ф. Хайдера ^[16] присущая индивиду «наивная (или житейская) психология» направлена на создание упорядоченного и цельного взгляда на мир и постижение сути наблюдаемых явлений. Исследования, посвященные отражению наивной психологии в языке и фольклоре, подтверждают, по мысли Хайдера, стремление человека к сбалансированному положению, в котором отсутствуют стрессы, а дисбаланс вызывает напряжение и стремление к восстановлению равновесия. Исходя из предположения, что позитивные отношения транзитивны (под влиянием второго лица первое формирует положительное отношение к третьему), а негативные – нетранзитивны (индивид не разделяет негативных отношений своего врага к третьему человеку), Хайдер считает, что несбалансированная структура возникает при нарушении этих взаимосвязей. Предложенная им модель взаимодействия в триадах предполагает по четыре варианта сбалансированных и несбалансированных структур, гармоничных и потенциально конфликтных отношений. Разумеется, в этой идеальной модели реальность упрощается, поскольку сводится к взаимодействию лишь трех элементов. Однако ею можно пользоваться для выдвижения предварительных гипотез о потенциальной динамике отношений, складывающихся между людьми

Известный социальный психолог Т. Ньюком предпринял попытку распространить модель интраперсонального дисбаланса на сферу межличностных отношений. Он исходил из предположения, что позитивные межличностные отношения между двумя индивидами способствуют выработке у них сходных ориентаций по отношению к третьему индивиду, а поведение этих ориентаций ведет к увеличению частоты коммуникативных актов с целью преодоления разногласий и восстановления «симметрии ассоциаций». Иными словами, теория коммуникативных актов Ньюкома – это попытка объяснить механизм сплочения группы посредством внутригрупповых коммуникаций и давления на «отклоняющихся» членов группы. Применение этой модели к реальным ситуациям, возникающим в триаде, подтверждает выводы здравого смысла: оба участника пары или приходят к общей ориентации, либо, несмотря на увеличение объема коммуникаций (переговоров) связь между ними распадается.

Суть рассуждений в рамках этих концепций сводится к тому, что когнитивный диссонанс ведет к появлению психической напряженности. Все живые существа стремятся избавиться от нее и вернуться в состояние гомеостазиса, или равновесия. Здесь налицо редукция человеческого поведения к экономии усилий. В качестве эмпирических подтверждения приводятся исследования неучастия в выборах избирателей, которые, подвергаясь давлению пропаганды различных политических партий, не в состоянии отдать предпочтение ни одному из кандидатов и воздерживаются от голосования.

Другая теория - теория сверх ординарной цели – выдвигает на передний план наличие общей сверхзадачи, которая в равной степени актуальна для разных групп и требует решения совместными усилиями (экологические задачи, ликвидация катастроф,

сохранение культуры, выживание человечества, мировые болезни). Такая цель может служить как преодолению конфликта, так и его возникновению. В первом случае существующие между группами разногласия оказываются менее значимыми, чем общая для них угроза. Внутренние распри отходят на задний план перед необходимостью объединить ресурсы для преодоления опасной ситуации. Во втором случае речь идет о конкурирующих целях такого рода. Разделяющие их группы вступают в борьбу за приоритетность своих позиций, и отношения между ними приобретают конфликтный характер.

Еще одной, представляющей интерес теоретической метафорой является концепция *социальной паранойи* - специфической среды, характерной для *параноидального мировидения и поведения*. В современных словарях по психиатрии паранойей определяется как охваченность индивида систематизированным бредом воздействия при отсутствии галлюцинаций и сохранности интеллекта. А.Добрович уточняет это определение, дополняя его таким признаком как «стойкое, произвольное и неподдающееся коррекции проецирование субъектом своих желаний и опасений на внешний мир при утрате обратной связи, то есть неспособности воспринять и подвергнуть анализу то, что не подтверждает проекций». По сути дела речь идет о доминировании в обществе или в его правящих кругах догматического консенсуса относительно социальной реальности. В наиболее крайней форме – это утрата индивидом Я-идентичности и ее замещение с мифологической коллективной, нормативной идентификацией.

Основу такой мифологии составляют представления людей об исключительности своего сообщества и страх перед внешним врагом. Главной гипотезой в рассматриваемой концептуализации, восходящей к работе Т.Адорно «Авторитарная личность», является признание особой роли параноидальных личностей или групп в возникновении авторитарных, тоталитарных режимов, деспотий. В соответствии с ней они рождаются и воспроизводятся в обществе за счет возникновения и прихода к власти малых групп авторитарного типа. По характеру целей и побуждений эти люди стремятся к власти, они жестоки в отношениях с теми, кто не разделяет их мнений, поддерживая социальные иерархии в системе управления, они опираются на средства подавления и насилия.

Выделяются следующие черты, характерные для авторитарной личности:

- в интеллектуальной сфере - глубокая убежденность индивида (группы) в своей правоте, единственности разделяемой картины мира или ситуации. Данные, которые противоречат этой картине, игнорируются, либо объявляются ложными. Субъективно такое состояние воспринимается как исключительная уверенность в своей правоте и праве;
- в мотивационно-поведенческом плане - стремление индивида (группы) утвердить свою позицию как единственно правильную перед лицом окружающих. Несогласные воспринимаются как враги, субъективно это воспринимается как борьба «истинной веры с ересью»;
- в эмоциональной сфере - это состояние характеризуется чувством высокой собственной значимости, подозрительностью, тревогой, страхом, злобой. При малейшем противодействии извне возникает чувство ущемленного достоинства, мстительное чувство и даже готовность к самопожертвованию во имя гибели или поражения соперника. Субъективно это воспринимается как борьба непонятого с непонимающими, притесняемого с притеснителями, добра со злом.
- в перцептивной сфере наблюдаются тревожно-враждебные ожидания вместе с

интерпретациями, предшествующими фактам, а не следующими за ними, что создает иллюзии. Субъективно это воспринимается как очевидность.

Подобные реакции на любые социальные события обычно подготавливаются условиями социального бытия. Наиболее значимым параметром этих условий является массовое мифотворчество, опирающееся на действие таких защитных механизмов, как вытеснение, рационализация, проекция, перенесение. Психологи в этой связи все чаще начинают говорить о стремлении видеть мир упорядоченным, о необходимости самоутверждения. Понятным образом устроенная среда, в центре которой находится «Мы», гарантирует психологическую комфортность, снимая напряжённость и страх, подталкивающий индивида перейти в оппозицию, поскольку «Они» - это олицетворение всего чужого и враждебного.

Определение установок референтных групп

Как видно даже из краткого изложения, все теории тесно связаны с направлением интеракционистской ориентации – *«теорией референтных групп»*. Данная категория в научной литературе обозначаемая иногда как - эталонная, применяется большинством авторов для обозначения группы, на которую ориентированы индивиды, перенимающие ее ценности, нормы, стандарты поведения и установки. Некоторые авторы наряду с подобными группами выделяют и негативные, то есть вызывающие у индивида враждебное отношение, либо категорический отказ причислять себя к таковым.

Основные функции референтных групп - нормативная, т.е. установление определенных стандартов поведения (групповых норм) и соблюдение их путем распределения вознаграждений и наказаний, и сравнительно оценочная, проявляющаяся в том, что ценностная ориентация группы является исходной точкой для сравнения себя и других индивидов. Для индивида эти функции может выполнять либо одна группа (группа членства), либо разные группы: оставаясь членом одной группы и соблюдая ее нормы. При своих оценках индивид может ориентироваться на ту группу, членом которой он стремится стать. В этнических процессах и межэтнических отношениях подобное зачастую происходит на стадии аккультурации, когда внешняя группа выступает для индивида как сравнительная референтная группа. Крупный американский социолог Р.К.Мертон считает, что это происходит в тех случаях, когда: (1) группа членства не обеспечивает достаточно высокий престиж; (2) индивид занимает в ней низкий статус или изолирован, (3) у индивида сильно выражено стремление к социальной мобильности.

Весьма продуктивным может быть применение категории референтной группы при исследовании межэтнических отношений, включая конфликты: выявление в полиэтнических обществах этнического состава референтных групп, характера внешних и негативных референтных групп в гораздо большей степени, нежели абстрактные рассуждения об общности интересов, дружбе, взаимной заинтересованности и т.д., позволяет понять реальное состояние межэтнических отношений.

Если обладающие высоким статусом группы полиэтничны по своему составу и функционируют как таковые, сохраняя социальную дистанцию от низов этнических массивов, если для значительной части этнического меньшинства или подчиненного этноса внешними референтными группами являются отдельные группы доминирующего этноса и если, наконец, этническая принадлежность не исключает членства индивида, хотя бы в некоторых значимых для него группах, такое общество явно обладает относительно эффективными механизмами межэтнической интеграции, в основном

предотвращающими вызревание межэтнических конфликтов.

Следует отметить, что зарубежные социологи далеко продвинулись в выработке понятийного аппарата исследования конфликта и формально логического подхода к изучению этого феномена.

Такие аспекты социального конфликта, как его причины, ход, методы решения и последствия, представлены в работах многих исследователей в виде четких, схематизированных моделей, главная ценность которых состоит в том, что их применение к описанию или исследованию конкретной реальности вынуждает учитывать весь комплекс факторов, в значительной степени предохраняет от субъективных оценок, произвольного подбора фактов и доказательств, различного рода упущений и декларативных аргументов.

На основе исследования международных и трудовых конфликтов зарубежные социологи уделяют большое внимание изучению стиля конфликтного взаимодействия. Большинство исследователей выделяют пять вариантов стиля: *компетентность* (соперничество при слабо выраженной склонности к сотрудничеству), *аккомодация* (склонность к примирению), *избегание*, *сотрудничество*, *компромисс*. Стил поведения участников конфликта определяется такими переменными, как степень антагонизма и мощи. Повышенные антагонизм и мощь определяют как наступательно-активное поведение, пониженные - ненаступательное; сочетание повышенного антагонизма и пониженной мощи ведет к наступательно неустойчивому стилю поведения (мятежи, бунты, заговоры и т.п.), пониженного антагонизма и повышенной мощи к наступательно-спокойному.

Возможные исходы конфликта сводятся, в конечном счете, к одному из трех вариантов: победа одной стороны над другой (решение с позиции силы), взаимное поражение (компромисс, подкуп, обращение к третьей стороне, применение правил или законов и т.п. меры формального урегулирования), взаимный выигрыш (достижение консенсуса или интегративное взаимодействие). Оптимальный исход - решение конфликта путем интегративного взаимодействия - наиболее вероятен, когда конфликтующие стороны убеждены в возможности и необходимости взаимоприемлемого решения, сохраняют взаимное доверие и не озлоблены, не подходят к проблеме с позиций «мы - они», видят издержки несогласия, одинаково воспринимают информацию, стремятся к конкретной (а не обобщающей) постановке вопроса, готовы при необходимости сменить руководство. Нетрудно обнаружить, что условия, благоприятствующие интегративному решению, присущи прежде всего политическим и международным конфликтам, исход которых зависит от решений, принимаемых сравнительно узким кругом лидеров при соблюдении определенных «правил игры» (социально-политических норм, международного права).

Социологические схемы могут снабдить политолога инструментарием, терминологическим понятийным аппаратом, который применим к анализу политических конфликтов, существенно облегчив изучение этого социального феномена. Но следует помнить, что изучение социальных отношений сегодня осуществляется на стыке ряда общественных наук, а не в рамках только социологии.

Выводы

Теории конфликтов сложное направление науки, имеющие много векторное назначение. И сегодня как видим создание единой теории конфликтов практически не возможно, как во внутригосударственном, так и на международном уровне. Тем не менее, мы поставили задачу рассмотрения теории классиков поскольку она имеет не случайный характер, а связана с проблемами постсоветских обществ. Здесь имеет место различные

конфликты локальные, межнациональные, международные, в латентных, открытых и замороженных формах. Мы сознательно не приводили конкретные примеры таких конфликтов, т. к. каждая сторона имеет своё представление о врагах и героях. Этим и объясняется ограниченность чисто теоретическим истолкованием самой проблемы и обзор классиков теории конфликтологии. Разумеется конфликт – это социальная парадигма имеющая как положительные, так и отрицательные стороны, играющее важную роль в политических и межгосударственных процессах. Поэтому рассматривать её в чисто социологическом контексте, в отрыве от политологии и международного права недопустимо.

Библиография

1. Фрагменты ранних греческих философов. 4.1. М., 1989. С. 217.
2. Левиафан: Или Материя, форма и власть церковного и гражданского содружества, под ред. Яна Шапиро (Издательство Йельского университета, 2010. // Издательство: Азбука, 2022 г. Серия: Азбука-Классика. Non-Fictio. Подробнее: <https://www.labyrinth.ru/books/914350/>
3. William Graham Sumner. The Challenge of Facts and other Essays//<https://oll.libertyfund.org/title/keller-the-challenge-of-facts-and-other-essays> // дата обращения 27.12.22
4. Людвиг Гумплович (1838-1909), «Расовая борьба» (1883), «Основы социологии» (1899).
5. Гумплович Л. Общее учение о государстве, СПб., 1910. С. 331.
6. Зиммель Г. Конфликт современной культуры. – Прага, 1923. – С. 11-39.
7. Козер Л. Функции социального конфликта. – М., 2000. – С. 70.
8. Boulding K. Conflict and Defence. A General Theory. – N.V., 1962. – P.222
9. Некоторые социальные предпосылки демократии: экономическое развитие и политическая легитимность. The American Political Science Review, том 53, выпуск 1 (1959): 69-105.
10. Дойч, М. (1973) Разрешение конфликта: конструктивные и деструктивные процессы. Нью-Хейвен, Коннектикут: Издательство Йельского университета.
11. Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта // Социологические исследования. – 1994. – № 5. – С. 142–147.
12. Келли Г. Две функции референтных групп // Современная зарубежная социальная психология: Тексты. – М.: Изд-во МГУ, 1984. – С. 197-204.
13. Бандура А. Теория социального научения. – СПб.: Евразия, 2000. – 320 с.
14. Balance Theory, Unit Relations, and Attribution : The Underlying Integrity of Heiderian Theory By: Christian S. Crandall, Paul J. Silvia, Ahogni Nicolas N'Gbala, Jo-Ann Tsang, Karen Dawson Crandall, C. S., Silvia, P. J., N'Gbala, A., Tsang, J., & Dawson, K. (2007). Balance theory, unit relations, and attribution: The underlying integrity of Heiderian theory. Review of General Psychology, 11, 12-30. https://libres.uncg.edu/ir/uncg/f/P_Silvia_Balance_2007.pdf дата обращения 25/12/22
15. Хайдер Ф. «Социальная перцепция и феноменальная причинность» 1944. М. альма Пресс. С. 240.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом рецензируемого исследования являются основные концептуальные подходы к изучению конфликта. Если вспомнить классическую работу Р. Дарендорфа «Тропы из утопии», то придётся признать непреходящую актуальность темы конфликтов в человеческом обществе. Однако конфликтологические исследования на сегодняшний день продвинулись далеко вперёд, и это продвижение было связано с дисциплинарной специализацией и дифференциацией: попросту говоря, представители различных дисциплин ревностно следят за предметной «чистотой» проводимых в «своей» дисциплине исследований, стараясь не допускать перехода дисциплинарных границ без настоящей на то необходимости. Соответственно, необходимость такого перехода приходится каждый раз доказывать. Собственно, автор и попытался доказать необходимость и возможность переноса «социологических схем» исследования конфликта в сферу политологии и международных отношений. Но выбранный способ такого доказывания не позволяет считать поставленную задачу решённой. При полном отсутствии теоретико-методологической рефлексии из применяемых автором методов можно обнаружить только критический концептуальный анализ, а его явно недостаточно для решения поставленной задачи. То есть, критически проанализировать существующие концепции изучения конфликта не означает показать их применимость других дисциплинарных границах. Отсутствие теоретико-методологической рефлексии имеет ещё одно следствие: проблематичность научной новизны полученных результатов. Научно значимые результаты невозможно получить просто пересказав несколько учебников. В структурном плане статья достаточно последовательна и отражает логику автора. Стиль статьи в целом энциклопедический, а не проблемно-научный. Автор просто описывает существующие подходы к исследованию конфликтов, что было бы уместно в учебном пособии, но не в научной статье. Кроме того, в тексте встречается некоторое количество стилистических (например, разрыв курсива в выражении «теорией референтных групп»; «компромисс» и др.; или лишняя скобка в предложении: «Некоторые авторы... наряду с (подобными группами (позитивными референтными группами)...)»; или отсутствие дефиса в некоторых словах и выражениях: «наступательно-активное») и грамматических (например, отсутствие запятой, обособляющей причастный оборот: «Понятие референтной группы в литературе на русском языке иногда именуемой эталонной группой»; или несогласованные предложения: «...Соблюдение их путем распределения вознаграждений и наказаний...»; «...Подобное зачастую происходит на стадии аккультурации, когда...» и др.) погрешностей, но в целом он написан более или менее грамотно, на приемлемом языке, с корректным (за некоторым исключением) использованием научной терминологии. Хотя есть погрешности и в терминологии. Так, английский термин «competition» («конкуренция», «соревнование», «состязание») почему-то переведён автором как «компетентность» в выражении: «Большинство исследователей выделяют пять вариантов стиля: компетентность (соперничество при слабо выраженной склонности к сотрудничеству)». Как уже отмечалось выше, имеет место и размывание предмета исследования, что очень хорошо видно из следующего пассажа: «Социологические схемы могут снабдить политолога инструментарием, понятийным аппаратом, который применим к анализу политических конфликтов, существенно облегчив изучение этого социального феномена. Но следует помнить, что изучение социальных отношений сегодня осуществляется на стыке ряда общественных наук, а не в рамках только социологии». Почему политолог должен обращаться к «социологическим схемам», а также почему ниже сразу речь идёт о социологии, хотя только что говорилось о политологах, остаётся неясным. Библиография насчитывает 13 наименований и в достаточной мере репрезентирует

состояние исследований по теме статьи. Однако оформление библиографического списка совершенно не соответствует требованиям, предъявляемым к научным работам. В списке встречаются работы без указания автора (например классический труд Томаса Гоббса «Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского»; к тому же искажено название работы). Автор Л. Гумплович приведён по имени, а не по фамилии; упомянутые работы этого автора не оформлены вообще никак, перечисляются через запятую. Стили оформления библиографии также используются разные: стиль АРА смешан с российским ГОСТом. Попадают и просто обрывки названия вроде: «Д.Тибо и Г.Келли "теория взаимодействия исходов». В таком виде статью публиковать нельзя. Нужно доработать оформление библиографии. Есть и откровенные ляпы, когда один из классиков конфликтологии Мортон Дойч (Morton Deutsch) назван Мертоном Дойчем. Апелляция к оппонентам имеет место при критическом анализе основных подходов к исследованию конфликтов.

ОБЩИЙ ВЫВОД: предложенную к рецензированию статью можно квалифицировать как хороший задел для научной работы. Представленный материал в целом соответствует тематике журнала «Международные отношения» и вызовет интерес политологов, социологов, специалистов в области мировой политики и международных отношений, а также студентов перечисленных специальностей. Однако на данном этапе статья нуждается в доработке. Необходимо устранить следующие недостатки:

- отрефлексировать и аргументировать теоретико-методологическую базу проведённого исследования, его цель и задачи;
- тщательно вычитать весь текст, устранив стилистические и грамматические ошибки;
- при формулировании выводов в заключительной части статьи сделать акцент на научной новизне полученных результатов;
- корректно оформить библиографический список.

После устранения отмеченных недостатков статью можно будет рекомендовать к публикации.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования. В рецензируемой статье "Фундаментальные теории конфликтологии: необходимость практического применения в оценках международных и внутригосударственных конфликтах" со слов автора, "конфликт рассматривается как социальный феномен, т.е. как особый вид взаимодействия, возникающий в результате расхождения в запросах и интересах, а также возможностях их удовлетворения между действующими сторонами, проявляющиеся на межгрупповом уровне". Т.е. предметом исследования является анализ такого социального явления как "конфликт".

Методология исследования. Методологический аппарат работы составили следующие диалектические приемы научного познания: абстрагирование, индукция, дедукция, гипотеза, аналогия, синтез, исторический, теоретико-прогностический, системно-структурный методы, а также, применение способов моделирования, типологии, классификации, систематизации и обобщения. Применение современных методов позволило изучить сложившиеся подходы, взгляды на предмет исследования, выработать авторскую позицию и аргументировать ее.

Актуальность исследования. Бесспорно "конфликт" как социальное явление нуждается в должных научных исследованиях в целях не только его адекватного разрешения, но и поиска путей предупреждения (предотвращения). Ввиду важности поставленной автором

проблемы, статья имеет не только научное значение, но и практическую значимость. Научная новизна. Полагаем, что обращение к исследованию такого социального явления как "конфликт" не ново для науки, но выбранный автором аспект имеет определенные элементы новизны.

Стиль, структура, содержание. Статья написана научным стилем. Статья структурирована. Материал изложен последовательно, грамотно и ясно. Выводы автора продуманы, аргументированы и, как следствие, заслуживают внимания читательской аудитории. (например, "Разумеется конфликт – это социальная парадигма имеющая как положительные, так и отрицательные стороны, играющее важную роль в политических и межгосударственных процессах. Поэтому рассматривать её в чисто социологическом контексте, в отрыве от политологии и международного права недопустимо). По содержанию статья раскрывает заявленную автором тему и полностью раскрывает ее.

Библиография. В целом автором изучено достаточное количество источников по теме исследования. Но в качестве замечания хотелось бы отметить, отсутствие в тексте статьи ссылок на публикации последних лет по теме исследования (тема весьма актуальна и находится в поле зрения современных авторов). И по оформлению библиографических источников есть замечание - следует учесть требования ГОСТ (у автора библиография оформлена весьма небрежно).

Апелляция к оппонентам. Автор рецензируемой статьи очень корректно обращается к авторитетным мнениям специалистов по проблеме, затронутой им в статье. Все обращения к оппонентам оформлены в виде цитирования со ссылками на источник опубликования.

Выводы, интерес читательской аудитории. Статья "Фундаментальные теории конфликтологии: необходимость практического применения в оценках международных и внутригосударственных конфликтах" в целом отвечает установленным требованиям, отличается актуальностью, научной новизной, практической значимостью. Статья рекомендуется к опубликованию в научном журнале "Международные отношения". Ввиду междисциплинарности проблемы, затронутой автором, статья может представлять интерес не только для специалистов в области социологии, конфликтологии, политологии, юриспруденции, но и для широкого круга читателей.